

Молодая поэзия.

Бунтарская молодежь вступает в литературу, как в выморочное наследство, принадлежащее не тому, кто имеет право, а тому, кто имеет силу овладеть старухой-литературой.

Октябрь и революция. И вдруг вырвали из глубины революции слова огромные, внезапные, страшные. Слова о человеке, как он есть вправду.

Прошения на имя бога.

В засуху. Не подмога. Эта песня для вас. Востри на песню ух! В одном селе, на Волге как раз, была засуха.

Долой театральное искусство!

Последние годы театральное искусство заперестало новыми словами: конструкция, биомеханика, метроритм, Загудели знамена правого и левого фронта.

Все упреки в том, что эксперименты левого фронта неудачны — легковерны, ибо мы пытаемся создать сейчас не хороший (термин «хороший») спектакль, а нужный спектакль.

Смерть китайца.

Отрывок из рассказа «Китаец».

... Через площадку к станичному шагали пьяные офицеры; луна залила их молочно-белым светом, бросая зеленые, ярко-красные искры на погону и пугоницы, за офицерами по посеребренной земле тянулись короткие, черные тени, как будто нарисованные гуашью.

... один китаец? — продолжал спрашивать есаул. — Там еще четверо, г. есаул... Ик... р-русские? — Так точно... Ж-живод ист? — Никак нет... И эту сволочь надо повесить... прощай сквозь стиснутые зубы капитан...

пальцем засаленный ворот рубахи, который вдруг необычайно стал давить горло, как туго затянутая петля, облизнул сухие, жаром обжаренные губы, с трудом глотая слюну.

жетою страха; его круглые, бесстрастное лицо было спокойно, непроницаемо, невозмутимо, как у глиняного божка из кумирни; только в раскосых глазах вспыхивали и потухали черные искры ненависти.

ли красоту его простого лица, опухшего от пьянства... — М-я... Кубань родная... знача... — ответил он, хитро шуря глазами.



Коммуэра о Син Хан-Чоне.

Литовцы белые,
ночной тиши нарушив сон,
Идут чрез красную граньцу.

О, Син Хан Чон, будь смел!
О, Син Хан Чон, будь молодцом!

Винтовку вскинул Син Хан Чон,
Встречая белую колонну.
Но был веловек Син Хан Чон,

Синклер в тюрьме.

Синклер арестован, Уингон Синклер—в тюрьме.

Пусть так, иначе не могло быть.
Америка Юза и Самуэля Гомперса

Какие обвинения ему предъявят?
Не все ли равно. Два-три важных

Перед государственным инспектором
с юридическим значком и поля

Почему арестован Синклер?
Писатель? Это не предусмотрено

усмехнулся криво и длинною
устмехкой, заставшей на лошадином

Мы—тамбовские, земляки,
ваше благородие. По мобилизации..

Китайца легкой походкой,
неслышно ступая как тень выпрыгнувшись

Син-Нин-Чу вывели из станицного,
поставила воле тополя; предуг

Вещь-аты!—с отяжкой прика-
зал есаулу, закатывая рукава бш

Офицеры закурили папирсы.
Есаул икал, проклиная кого-то;

И-икота в-замучила...—опр

ливаясь, жаловался капитан—Вы-
пить, что ли? Не помню я—не то пер

Повесим и выпьем...
За помни китайской души...—

Помилуйте какая д-ша у ки-
тайца! Китаец—без души...

Когда урядник надевал петлю
на шею китайца, на руку урядника

Да ен плачет...—удивился
урядник, поправляя петлю.

Офицеры тесно обступили китайца,
смотрели, как он плачет. По масл-

Комсомол.

(Отрывки).

Трубы, солищем сожженные,
Хрипло дымят в зекат...
Думаешь: легко Джону

Джон в восемнадцать лет
Первый бунтарь в заводе...
Заб-стовочный комитет

Кровли неровные гнутся
Под топотом скачущих бед...
Какие еще революции

Крылья зарев машут вдалеке,
Острожный выстрел эхом пойман,
А у Васки в сжатом кулаке

Сумерки прилипшие к плечу,
Вместе с Васькой думу затаили.
Стынет день в замерзшей синеве

Джонот получен приказ
Собрать молодежь завода..
Каменной шее станка
Джон свои руки отдал.

Месяц в небе, задумчив и строг,
Стелет синий ковер на порог...
У порога месяц прочел.
Непонятное:—„Комсомол“.

Джон и Васька вавоем идут...
В небе на туче прохочей
Па-игранную стелет звезду

М Светлов

Деревне.

За ятылок соломенно рыжий,
За протухнувший запах овчин—
Все безумней себя за тебя ненавижу

Для меня ты ясна и понятна;
Не привыкла переть на рожон,
Я впитал твой явы и черные пятна.

Буду кровью лечить проказу,
Буду явы твои вытрялывать,
Чтобы братством светалася не для показу,

Чтоб могли оборваться нити,
Что стаялись на тее у всех жгутом,
Чтоб на этом бесплодном граните

А. ДОРОГОЙЧЕНКО.

Гимн могил.

Каждой ночью,
Как только по городу
В крепком сумраке стихнет шум,

Как по знаку привычно и мерно,
Щепеля полуполночной покой,
Медными голосами

Библиография.

П. М. Керненцев. Памятка орга-
низатора.

Хорошо памятник нашей организации
своими последними докладами и ст-тия

Р. III—TR.

Д. Рязанов. Маркс и Энгельс.

(Изд. „Московский Рабочий“ стр. 258).
Новая книга тов. Рязанова представл

Лекция тов. Рязанова посвящ нам глав-
ным образом и описанию жавнедея ельно-

Остается глубоко научной, книга тов.
Рязанова является в то же время и попу-

К. Н. Бернова—П. Гольбах.

(Изд. тельсково «Новая Жизнь» Москва
1923 г.)

Очерк Берковой, посвященный налож-
ному учению французского буржуазного

материалиста XVIII века П. Гольбаха.
привнес несомненно большую пользу

Особено о удачно получило то место,
где говорится о взглядах Гольбаха на ре-

И недостаточо четко полержуно основ-
ной грех ея книга Гольбаха и прочие

Несмотря на я в промах, очерк Бер-
ковой о Гольбаке окажет бо льшую услу-

Для неподготовленных прибавим, что
важнейшим и критике Гольбаха посвящена

Прф. А. К. Тимирязев. Есте-
ственно-научные основы мате-
риализма.

(Часть 1. Филипп. Госиздат. Москва
1923 года.)

Книга г Тимирязева представляет со-
бою сборник статей различных предла-

Эти статьи, вышедшие в разные время,
часть из не на протяжении ста лет,

Руководителя марксистских кружков
сумели в ч-ркнуть в этом сборнике мно-

Возманим теории естествознания нель-
зя быт хорошим и рисиотом. Сопрак,

П. И.